

ЗАСЛОН

×

Литрес

ИНЖЕНЕРЫ
СЛОВА

Минпромторг
России

ВОЛОНТЕРСКАЯ СЛУЖБА ДЛЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ВО ВРЕМЕНИ

АЛЕКСЕЙ КОТАЕВ

Алексей Котаев

**Волонтерская служба для
путешественников во времени**

«Автор»

2026

Котаев А.

Волонтерская служба для путешественников во времени /
А. Котаев — «Автор», 2026

Первый человек из будущего появился в СССР в 1978 году, что послужило огромным толчком для технологического развития страны. Союз не распался а лишь окреп, обозначив свою гегемонию на всем земном шаре. Но это не важно. Важно то, что Андрей Алексеевич, умный, смелый и образованный молодой человек, приступает к волонтерской службе по поиску людей, перемещенных из будущего в настоящее. Бескрайние поля и леса, величественные горы и дикая вернувшая свое природа. Самое то, чтобы и родине помочь, и в себе разобраться. А еще нужно понять, что это за книжка такая с подсказками лежит в бардачке выданного ГАЗ-66МП. СССР, Якутия. 2026 год.

© Котаев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Волонтерская служба для путешественников во времени

Глава 1

Человек и кольцо Сибири

ГАЗ-66МП, две тысячи тринадцатого года выпуска забрался на холм, протиснувшись своим широким кунгом между елок. Раздаточная коробка перестала выть, а пневматика отключилась от тормозов, прошипела и затихла. Двигатель заглох, сделав половину оборота впустую.

Андрей толкнул звонкую жестяную дверь и выпрыгнул из кабины, аккуратно притоптав ближайшую траву, чтобы хотя бы сейчас не нахватать клещей. Он их нахватает, но позже.

Парень вытащил из-под сиденья длинный рулон спрессованного табака, обернутого в желтую, почти не тлеющую бумагу. Распотрошил содержимое оторванного кусочка и переложил это все в бумагу уже другого качества. Рулонный табак был хорош. Выращен где-то в горах Абхазской ССР, напитанный солнцем и жизнью, от того смолы в нем было так много, что пальцы за полгода работы волонтером уже успели пожелтеть. Все бы ничего, но бумага подвела. Если бы не китайцы, на маньчжурской границе, что постоянно норовят выменять хоть что-нибудь хорошее, то так Андрей и страдал бы, мучаясь от того, что в папиросах чувствуется лишь запах трижды переработанного картона, а не хорошего советского табака.

Блок рации расправил свои широкие солнечные панели, а мицелярный якорь зашел глубоко в землю. Тут, в кольце северного коллайдера сверх глубокого «большого», который носил привычную советскому человеку аббревиатуру «СКСГБ», электроника почти не пашет. А связи и подавно нет. Потому что ученые каждый день разгоняют в этом большом адронном коллайдере частицы, пытаясь хотя бы чуть-чуть прикоснуться к вселенской истине.

Двенадцать тысяч километров – протяженность основного контура коллайдера, большого кольца. И три тысячи километров составляет длина кольца малого. Малое кольцо берет свое начало в Тиксинском НИИ, построенном в конце семьдесят шестого года, и является первым возведенным советским коллайдером.

– Алиса Юрьевна, я на месте. Можешь отметить это в путевом листе? – Андрей дождался, когда сигнальная лампа на рации загорится зеленым светом и открыл канал связи.

Да. Никакая электроника тут не функционирует долго и исправно. И связи тут тоже нет. Через электромагнитные поля не пробивается ни спутниковая, ни радиосвязь. Но есть одна, которая оказалась в этой аномальной зоне настолько стабильной и надежной, что ей позавидует любая военная разработка периода нового рассвета Советского Союза.

Мицелий. Гриб. Точнее, грибница. Андрей останавливает машину, проверяет местную почву на наличие хоть каких-нибудь грибов, и забивает в грибницу металлическую иглу. Подключается... В пределах кольца СКСГБ только эта живая сеть способна передавать информацию.

– Долго ты. Были проблемы?

– Менял колесо. Порвал об скалу.

– Сколько осталось в запасе?

– Два в кунге, один на бампере. Более чем достаточно.

– Что по топливу?

– Пол тонны в баке. Тонна за пазухой, – Андрей затаился папиросой, и его собеседница услышала своеобразный треск.

– Опять куришь?

Парень усмехнулся, услышав эту очередную вынужденную заботу. – Нет, что ты...

Они с Алисой Юрьевной уже половину года работают вместе. Хотя, если быть точным, вместе они только раз в пару дней, когда Андрей выходит на связь. Алиса – оператор. Она его глаза и уши в слепом пространстве кольца. А Андрей ее руки и ноги. Только так. Без Алисы у Андрея не было бы ни топлива, ни запасных частей, ни срочной эвакуации. А без Андрея Алиса не смогла бы спасти десяток потеряшек, которые появляются в кольце с завидной регулярностью. И которых Андрей, на удивление, легко находит.

– Шестьдесят шесть градусов северной широты и сто девятнадцать градусов восточной долготы. Ты там?

– Там, – Андрей даже не стал открывать карту. Знает, что там. Вместо этого он открыл свою записную книжку, в твердом кожаном переплете, с ремешком, который держит страницы, норовящие вывалиться.

И в книжке этой координаты были расписаны вплоть до минут. И не только географических.

– Ладно. Как обычно. Эта область, плюс-минус километр. Покричи там, или пошуми... или что ты там обычно делаешь?

– Ага-ага... – парень сверился со своими старенькими наручными часами, которые он выменял у японцев, когда прочесывал местность близ берегов Охотского моря.

Половина восьмого. Вечер. Солнце уже почти село за горизонт, напоследок облизнув лучами верхушки елей и сосен. Есть по мимо них еще и березы, но те затерялись где-то внизу. Все же сложно конкурировать с вечнозелеными хвойными. Даже в конце теплого августа.

– Как найдешь – вези на Мирнинский блокпост. В Мирный.

– Там же нет континентального метро, – удивился Андрей.

– Заберут самолетом. До ближайшего метро тебе тащиться километров пятьсот, если напрямик. А у нас еще два сигнала в этой области. Побереги силы.

– Я уже спрашивал, но... – парень сел в кабину, протянув кабель рации через приоткрытое окно. – Почему я не могу устроить прогулку и собрать всех разом?

– Я уже отвечала, но... это ради твоей же безопасности.

– Моей же?

– И я опять повторяю. Да. Твоей же. Мы не можем знать, как поведут себя эти люди тут. Они могут оказаться как учеными, так и шпионами, которые проникли в ряды научных сотрудников СКСГБ. Или, что не маловероятно, беглецами. И если с одним ты справишься, то двое или трое уже будут представлять проблему.

– А я-то думал, что это из-за того, что каждая потеряшка представляет и ценность, и угрозу нашей великой стране и их нельзя везти вместе, чтоб не болтали...

– Андрей... – пресекла дурные рассуждения девушка. – Нас слышат.

– Конечно нас слышат. Не думаю, что грибы хорошо шифруют канал связи, но, правды ради, за мной что, отправят черную волгу, или что там сейчас по Москве политпреступников собирает?

– Хочешь, чтобы про тебя твоя страна думала так часто, как может? – усмехнулась Алиса Юрьевна.

– Ага, – парень потушил об подошву ботинка папиросу, проверил, не тлеет ли она, и выбросил в окно. – Не пойми неправильно, я люблю свою родину, но таскать их по-одному такая морока...

– Знаю... но таков порядок. Ты где вчера ночевал?

– Антоновка на Вилюе.

– Люди были?

– Честно? Понятия не имею. Я не видел. Но, держу пари, что они просто попрятались, как слышали машину.

– Еще раз, для протокола, если будут попадаться поселения – сообщай. Будет выслана эвакуация.

– Да больно им нужна ваша эвакуация... Лошади пашут без электричества, репа без электричества всходит. Вы не всех староверов еще выковыряли из тайги, а лет-то прошло сколько? Сотни четыре?

– Не начинай. Сам знаешь, что территория СКСГБ – закрытая. Только я, ты и потеряшки.

– Я эту тему не поднимал, но блин... сколько тысяч гектаров земли отдали ученым? Не много ли?

– Если бы не эти ученые, то Союз бы не вырвался вперед. Твоя страна победила везде, неужели пара миллионов гектаров земли тебе важнее, чем техническое превосходство родины? Андрей, все умные телефоны, программы автоматизации, беспилотные машины, континентальные линии метро и тысячи спутников с глобальной сетью...

– Не сильно полезны внутри кольца.

– Ну... да, есть свои минусы. Но я-то всем этим пользуюсь. Знаешь, как удобно смотреть рецепты яблочных пирогов, а не читать их?

– Даже представить не могу, – съязвил парень и снова отломил от мотка папирос кусочек. Завернул табак в нормальную бумагу и положил на приборную панель. А потом сделал это еще раз. И еще. Через пару минут набралось на полный портсигар.

– Как спалось? – развеяла тишину девушка.

– Да нормально. А ты как?

– В общежитии кто-то отмечал день рождения до половины первого ночи, так что я не выпалась.

– Ты вызвала службу безопасности?

– Конечно.

– Я и не сомневался... Иногда я рад, что мы с тобой не соседствуем так близко. А то я точно сел бы по политической статье, по статье за тунеядство, по статье за...

– Это вряд ли. Ты хороший человек, Андрей. Помогать стране и людям...

– Ты же психотерапевт по образованию?

– Нейролингвист. У меня аспирантский диплом... – девушка взяла паузу. – Почти дописан.

– На мне это не работает. Держу в курсе.

– Знаю.

– А знаешь почему?

– Знаю.

– А тебе не интересно, что я ответил бы?

– Да я говорю же, что знаю. Ты точно скажешь, что...

– Вся эта твоя нейролингвистика – псевдонаука. И если она и работает, то на собаках и тупых людях, которые поддаются внушению.

– Да, вот... я так и думала. Хотя, странное дело, что ты не завернул тут про партийное превосходство и рабочий статус, но ладно... прощаю.

– Да. А еще это работает, когда твой собеседник – твой же начальник. Он говорит: «прыгай». И ты прыгаешь.

Солнце скрылось окончательно, и холод стал пробираться в кабину грузовика. Андрей запустил автономный отопитель, и теплый воздух начал гулять по салону. От такого тепла пробудился и голод. Вскоре на плоском и еще теплом капоте начали складываться в стопки продукты, из которых будут сделаны бутерброды. Парень выждал, пока заспиртованный хлеб станет пригодным для употребления и принялся накладывать на него колбасы и сыр. Сегодня так. Твердый побелевший сыр и твердая копченая колбаса. Этого добра в кузове навалом, но вот с нормальной теплой едой сегодня не везет. Времени до появления потеряшки все меньше,

а значит устроить человеческий привал и сварить себе похлебку не выйдет. Выйдет завтра. Того и гляди, потеряшка тоже будет голодной.

И опять Андрей вспомнил про то, что кто бы ни появлялся в этом лесу, неизменным остается только одно. Они все безбожно стреляют курево.

– Ты тут? – Алиса Юрьевна проверила, слушает ли ее Андрей.

– Ага, – с набитым ртом ответил волонтер. – Ты говорила про то, как трудно делить комнату с теткой, которой сорок лет, и что тебя раздражает ее манера уборки. Не поверишь, но меня никто не заставляет прибираться в кабине своего грузовика, а елки и палки не нуждаются в том, чтобы протирать пыль...

– Да ну тебя. Я-то с тобой чем-то жизненным делюсь, а то совсем там одичаешь. А ты...

– Я тоже жил в общежитии. Мне-то не рассказывай...

– Не знала, а где? В какой?

– МГУ...

– ЧЕГО? – неподдельно удивилась Алиса. – И ты полгода молчал? Ты учился в МГУ? Стоп, серьезно? А какого лешего ты забыл в волонтерах?

– Время.

– Какое время?

– Время идти работать...

– Да стой ты, куда собрался? Минута роли не сыграет, расскажи!

– Алиса Юрьевна, я позже расскажу. Просто впереди была вспышка, кажется, и мне надо поспешить, пока мой новый товарищ не убрел в другую сторону, – ловко отвертелся Андрей. – Я выйду на связь утром, когда начнется смена.

– Ладно, ладно... Береги себя.

– И ты. Хорошей ночи, – парень дернул якорный провод, и игла вылетела из земли.

Новый Токарев с лазерным целеуказателем и стробоскопом-фонариком был заряжен и спрятан в кобуру на поясе. Яркая оранжевая куртка со светоотражающим покрытием застегнулась под самый подбородок, скрыв собой композитный бронежилет. Алиса Юрьевна попросила быть аккуратнее, значит, надо быть аккуратнее.

Время в книге и время на часах почти совпало.

Андрей не только знал место, он знал и время. Все это было в его книжке. В его записной книжке, которая лежала в бардачке выданного ему ГАЗ-66МП. Там же была и записка, которая строго настрого запрещала показывать эту книгу кому бы то ни было.

И не просто так.

Секунда в секунду посреди небольшой поляны из ниоткуда появилась голая девушка. Она тут же рухнула на траву и сжалась в позе эмбриона.

– Тц... – Андрей увидел наготу издали и решил не испытывать судьбу. Сделал пару шагов к пассажирской двери и достал теплый шерстяной плед. Вернулся к полянке и положил плед на девушку.

– Я... я... где я? – голос дрожал. Зубы тоже. Только будто бы не от холода.

Потеряшка приподнялась, обмотала себя шерстяным пледом и попыталась согреться.

– Кто вы? – продолжила она. Только теперь еще и щурилась, пытаясь разглядеть Андрея.

– Вы из службы безопасности? КГБ?

– Волонтер я...

– Меня Марина зовут. Марина Андреевна Гальцева... я старший научный сотрудник лаборатории испытаний сверхпрочных сплавов... Я должна была... – девушка вдруг замолкла.

– Какой сейчас год?

– Две тысячи двадцать шестой, – кивнул волонтер. Вот, теперь все встает на свои места.

– Точно... я же прошла отбор... Хах... ха-ха – начала заливаться смехом гостья. – Я же сюда вернулась из будущего! Я же...

– Да знаю я...

– Нет! Вы не представляете! Я столько могу вам рассказать, наша страна за полсотни лет так продвинулась, товарищ волонтер, я столько знаний могу вам предложить...

– В конце сентября Спартак с америкосами играть будет в Германской ССР. Кто победит?

– Я... – опешила гостя. – Я понятия не имею...

– Ну и толку-то от тебя... – парень протянул руку, которая все еще пахла куревом и бутербродами. – Поехали, отвезу тебя к твоим большелобым ученым.

– Да?

– Ага... Я тут только для этого. Меня Андреем зовут, товарищ потеряшка. Служу на благо родине.

– Я из семьдесят шестого года... я...

– Мне это знать не положено. Прошу вас впредь не выдавать секретную информацию посторонним лицам. А то еще не пройду полиграф...

– Извините...

Глава 2

Человек и государственная безопасность

Молоденький ГАЗ-66МП подкрался к населенному пункту, и в его бардачке начал радостно трезвонить давно забытый телефон. Андрей уже пару месяцев не подбирался так близко к местам, где есть связь, что даже удивился своему же рингтону.

Вдалеке из синевы неба выпрыгнул малый пассажирский ТУ-7312, расправил крылья и перешел в режим конвертоплана. Сел и скрылся за деревьями.

– Это за мной, да? – вглядывалась в мутное и затертое стекло гостя из будущего. – Это КГБ?

– Угу, они... – парень одной рукой вращал руль, чтобы объезжать широкие расплзшиеся трещины и вымытые дождями ямы на старой и уже давно не асфальтированной дороге. Гидроусилитель легонько подсвистывал при резких маневрах, но дело свое делал.

– Я в каком статусе я тут нахожусь? Я ведь не политзаключенная, не госпреступник, не шпион?

– Не знаю, – отмахивался от разговора Андрей.

Он знал. Точнее, догадывался. Девушка была тут на правах посла, только не другой страны. Этой же самой. Но немного из другого времени. Однако, так как ему не положено было говорить с потеряшками, и тем более выведывать у них информацию, то он этим и не занимался. Любое подозрение со стороны проверяющих и надзорных органов может не просто перечеркнуть его карьеру тут, а еще и положить конец мирным и добрым денькам. И отправится бедолага на освоение северных земель... Поднимать грунт и укладывать пенопластины утеплителя, гектар за гектаром... И выдадут ему старый дизельный трактор, который фонит радиацией еще со времен локализации аварий в Французском Бельвиль-сюр-Луар в восемьдесят девятом...

Разбитая дорога привела машину прямо к городу. Мирный стоял тут, когда Андрей впервые заходил в кольцо, и сейчас стоит тут же, спустя половину года практически непрерывных странствий. Это единственный блокпост на юго-западной части кольца, на котором есть связь, электричество, и вообще хоть сколь-нибудь малая цивилизация.

Дома в шесть этажей по проекту ТПЗМ-071-05, в которых есть и газ, и вода, и даже лифты. Рядом с ними ютятся двухэтажные бараки для временного размещения людей. Краны с высокими башнями царапают небо, перенося недавно доставленные самолетами типа АН композитные сверхлегкие плиты для возведения домов. Скоро пост в Мирном превратится в очередной исследовательский центр, пусть и доступа к кольцу коллайдера напрямую у них тут нет, даже при учете глубокого алмазного карьера. Ну ничего, будут изучать пагубное влияние всех видов излучений на пространство вокруг. Не даром в кольце небо по вечерам зеленым светит.

Вездеход на больших колесах, который в аббревиатуре окрестили «Модифицированный – проходимый», был для местных не очень приятен глазу. Его оранжевая кабина, темно серый кунг и черные от грязи колеса портили вид красивых фасадов домов из кварцевой крошки. А комья земли, что вываливались из высокого протектора, засоряли недавно вымытые асфальтированные и брусчатые улицы. А ведь по ним потом будут ездить дорогие ВАЗ-4123 С-серии, или новенькие ГАЗ-31069, что своими гладкими наполированными колесами или гладкими наполированными кузовами никогда и нигде не должны были соприкоснуться с дикой природой. Только роскошь столиц: улицы с подогревом и электрополосы, чтобы лишний раз не нагружать двухтурбинные бензиновые установки, с непосредственным впрыском топлива, а отдать тягу на откуп паре электромоторов, что стоят ободом на задней оси.

– Волонтер, – Андрей достал из бардачка свои красные корки, и развернул их, чтобы показать охраннику аэродрома, что с усердием бдил из окошка будки, которое оказалось как раз на уровне кабины ГАЗ-66МП.

Охранник достал УФ-лампу, проверил знаки и только потом, следуя регламенту, проверил документ специальной камерой, которая была намертво привязана к аппарату госбезопасности в каком-то московском бюро. Диод на приборе дал зеленый свет.

– Проезжайте, за вами ТУшка прилетела.

ГАЗ проехал по идеально сложенным плитам аэропорта, газон на стыках которых был также идеально выбрит, и скорее расчерчивал квадраты одинакового размера, чем был сорняком, что бросается в глаза.

Самолет Туполевского бюро стоял на холостых, не давая турбинам уйти на охлаждение. Готовый к немедленному взлету, он уже занял самую ближайшую позицию к служебному въезду и спустил маленький трап в свой салон представительского класса.

Кожаные сиденья, тонированные окна...

– Мы приехали? – отвлекла Андрея гостя.

– Да. Сейчас за тобой придут.

И вправду. Как только рыженький ГАЗ подобрался поближе к самолету, из него вышли три человека. Все как на подбор: высокие, крупные, широкоплечие. Глаза ясные у них, как день, и каждый пыжится, потому что пистолет за пазухой натирает кожу за день смены и оставляет противные мозоли.

– Не проводите?

– Не положено. Идите, вам к ним. Это госбезопасность.

– КГБ... да? Они ведь так называются в этом времени?

– Угу...

Девушка неловко открыла кабину старой утилитарной техники и с трудом спустилась на бетон. – Что ж... Спасибо. Я... как мне передать вам вашу одежду?

– Оставьте себе. Мне выдадут новый комплект.

– А... спасибо.

Девушка пошла на встречу к КГБшникам и встретила с ними ровно через двадцать шагов. Двое взяли ее в «кольцо», а третий побрел к кабине.

– Служу советскому союзу, – высунулся из кабины Андрей, доставая из-за уха подготовленную к обратному пути папиросу.

– Хорошая работа, товарищ. Мы это ценим.

– Работа такая, товарищ контрразведчик.

– Как понял? – встрепенулся мужчина, невольно глянув на свои погоны, которые по уставу к пиджаку не полагались.

– Так это ж... того... только ваши же ко мне и подходят.

– Хм... А вы довольно усидчивы, товарищ волонтер. Ну так что, как там наша гостя?

– Хорошо, товарищ контрразведчик. Нашел быстро, одежду выдал. Накормил, напоил.

Два дня пути прошли без эксцессов.

– Что говорит?

– Ничего.

– Спрашивал у нее что-нибудь?

– Я не спрашивал, товарищ контрразведчик. Не положено.

– На полиграф пойдем?

– Да как прикажете. Я не против.

– Давно работаешь?

– Половину года.

– Много потеряшек привез?

Андрей сделал вид, что считает в уме, хотя цифра ему уже давно была ясна. – Восемнадцать, товарищ контрразведчик. После каждой пятой проходил полиграф.

– Ладно-ладно... как машина?

– Нормально. Хорошая машина, проходимая.

– Вместительная?

– Да. Очень. Открыть кунг? Кабину?

– Не надо. Свободен. Спасибо за службу, – контрразведчик напоследок пристально посмотрел в глаза волонтеру и развернулся. Стал чеканить шаг в сторону своих.

– Спасибо за службу... – кивнул Андрей.

Мужчины в черных пиджаках закрылись в самолете, и тот начал греметь турбинами вертикального взлета. Оторвался от земли, накренился, сменил вектор ускорения и юркнул под облака. Пропал из поля зрения, хлопнув где-то вдалеке переходом на сверхзвук.

Хорошая техника. Советская. Надежная и неприхотливая.

Андрей достал из бардачка полимерную пластину прозрачного новафона и экран на свету стал вырисовывать яркие светлые символы. Сотня сообщений свалилась разом на бедное устройство. Сотня пропущенных звонков, сотня уведомлений из национальных сетевых площадок.

– Мда... – парень потер щетину.

Однако вместо того, чтобы начать отвечать всем подряд, он открыл до боли привычную умную карту местности и нашел себя с помощью спутников на орбите. Посмотрел, как выглядит машина, как торчит из кабины его рука, и переместил свой взор на город. Тут же начали отмечаться магазины, гостиницы, автомастерские, разные государственные учреждения... И только на самом краю Мирного нашелся пункт подготовки волонтерских экспедиций.

Туда.

Механическая коробка с хрустом сомкнула шестерни внутри и начала гудеть, пока Андрей не переключился на передачу выше.

К вечеру этого же дня, пополнив провизию, топливо и запчасти, парень выехал на разбитую асфальтированную дорогу, минул мертвый пригород, в котором сигнал спутников уже не добирался до новафона, и остановился.

Бумажная карта, глаза к которой адаптировались очень плохо, а руки постоянно норовили изменить масштаб, была исписана синим маркером. Маршруты, точки, в которых были найдены люди. А на общем плане было очерчено кольцо коллайдера. За него ступать нельзя. Не положено. Хотя, если быть честным, за этим мало кто следил. Именно поэтому Андрей обзавелся нормальной бумагой для папирос, гитарой, колодой хороших игральные карт и старой пленочной кассетой, на которой была записана музыка, привезенная откуда-то из-за океана.

Пусть пленочных проигрывателей в Союзе уже и не осталось, но понимание того, что под рукой есть что-то не здешнее, грело душу. Нет, такое не было под запретом. Просто найти что-то похожее даже в Москве было трудно.

Волонтер включил отопитель и перевел его в режим обогрева кунга. Через пару минут можно будет пойти туда и наконец-то выспаться нормально, ведь последние пару дней ему приходилось запираться потеряшку внутри, а самому переваливаться через твердый и угловатый капот, чтобы поспать хотя бы пару часов.

– До конца смены всего десять минут. Есть новые координаты? – Андрей воткнул якорь мицелярной рации в землю и вышел в эфир. Он надеялся, что его оператор уже ушла домой, и ему не придется попусту с ней болтать.

– Как по расписанию, Андрей Алексеич... Ни дня пораньше не уйди мне, да?

– Хм... ну я вот на работе.

– Ты всегда на работе. А я работаю с десяти утра и до восьми вечера. Так что имей пожалуйста совесть, товарищ волонтер, – наигранно возмущалась девушка. – Ладно... пока еще не точно, градусы не подскажу, но тебе на Сьюльдюкар.

– Через Виллюй? – Андрей слегка приоткрыл карту, прикинув под собой направления сторон света. – Где могу пересечь?

– Вероятнее всего, через Чернышевскую ГЭС. Она должна еще стоять, потому что сбросы открыты и вода ее не давит. А так... Если не найдешь дорогу, то ее смыло. Там подумаем. Идет?

– Да, идет... – волонтер бросил окурок под ноги и затушил его. Перепроверил, что затушил, и открыл термос. – Как дела?

– Чего? – не наигранно удивилась девушка. – Что-что ты спросил?

– Как дела, говорю? – парень смотрит на часы и понимает, что время для разговора уже подходит к концу. Сегодня не чрезвычайная смена, не день, когда находят потеряшек и не сверхурочные зачетные часы. Простой день. В который на работе никто и никогда не задерживается. Не по плану.

– У меня все хорошо. Я думала, что ты раньше на связь выйдешь, хоть расскажешь, кого нашел. А так... – по ответу было ясно, что Алиса тоже поглядывает на часы. И все еще не уверена в том, что делает. – Ну так как? Кто на этот раз?

– Так я тебе и сказал...

– Да уже поздно, Андрей Алексеич. Твое личное дело засекретили. Я вчера пыталась разузнать про тебя, но мне отказали в кадровом отделе. Говорят, лежит в сейфе с дистанционным замком, который могут открыть только по запросу в ЦК...

– Тц... Во-первых, это очень-очень плохо, – почесал затылок Андрей. – Во-вторых, мы с тобой договаривались, что ты так не делаешь, иначе общение с тобой будет совсем не интересным...

– Но ты...

– Я все расскажу, но потом.

– Ну вот! Ты полгода мне не мог рассказать, что у тебя есть образование! Да еще и самое лучшее, которое только может себе позволить советский человек! Куда тебя отправляли? Где проходил стажировку-обмен опытом?

– Заметь, Алиса Юрьевна, я про тебя тоже мало что знаю. Ты же понимаешь, что у нас за работа, да? Шаг влево, шаг вправо, и я не смогу выбраться из кольца, а ты из своего кабинета. Скажи, ты одна там?

– Ну... да. Обычно нас тут много операторов. Но у каждой своя кабинка с шумоизоляцией, но вот сейчас все уже ушли.

– Нас слушают?

– Не знаю. Скорее всего. Гриб не самый хороший шифровальщик, а другого способа связи у нас нет. Но что это меняет?

– Ну для меня – ничего. Я и так уже под грифом «секретно», хотя действовал по регламенту и не водил бесед с потеряшками.

– Это странно, да... погоди, так ты хочешь сказать, что все это и вправду очень-очень секретно?

– Готова схлопотать гриф?

– Ну я по кадровой лестнице только вверх, так что он мне не помешает. Рассказывай.

– Они отправлены в прошлое из будущего не случайно. Это не беглецы, а делегаты. Представь, что тебя, умную и красивую девушку отправят к денисовцам, чтобы ты показала им, как точить камень, разводить огонь с помощью кремния, как работает электромагнитная индукция...

– Не продолжай.

Алиса Юрьевна не была обделена хорошим образованием и с половины слова поняла, что все ее догадки оказались верны. Потеряшки – это не потеряшки вовсе. Это специально обученные и высланные в прошлое люди. Это, собственно, и объясняет жуткий технологический скачек Советского Союза в начале девяностых годов прошлого столетия. Телефоны, глобальная сеть, спутники, беспроводная связь... Мало кто мог похвастаться таким к концу миллениума. А дальше больше: полимерные новафоны, которые могут воспроизводить фильмы и музыку, умные карты, беспилотная техника, разум машин, создающий шедевры и дающий ответы на любые вопросы. И все это на стыке тысячелетий.

– Ладно...

– Слушай, а почему тогда под каждым кустом в кольце не сидит контрразведчик, чтобы предотвратить утечку информации?

– Быть может, их бы предупредили люди из будущего. Быть может, люди из будущего знают про нас. Быть может, в будущем на руководящих должностях сидим мы и знаем, что ничего плохого мы сделать не хотели. Очень много «быть может». Иди спать.

– Каскадное перемещение? Я про... ну...

– Вероятно. Каждый вернувшийся дает толчок будущему. Из нового будущего появляется еще более умный посланник. Мы развиваемся в геометрической прогрессии. А стоило только вскрыть квантовые флуктуации и их влияние на пространство нашей реальности...

– Квантовое туннелирование через временную ось?

– Да. А якорем служит пространство коллайдера, так как разгон частиц может раскрывать суперпозицию частиц элементарных, создавая стабильную точку во времени...

– Логично. Приятно было поболтать, человек под грифом «секретно».

– Ага, хорошей ночи...

– Кстати? Как ты спишь? Как планируешь спать сегодня?

– Хм... я нагрел кунг, там моя койка с плотным матрацем. Я перекушу, настрою комфортную температуру и закрою дверь. Разденусь до белья и наконец-то нормально лягу, укрывшись тяжелым одеялом. Тут темно и тихо, так что я быстро усну. А когда проснусь, то будет прохладное утро. Я закурю, посижу, в попытке собрать свое сознание, подпернутое первой за день сигаретой, а потом выберусь на холодную улицу, чтобы окончательно прийти в себя.

– Спасибо.

– Ты каждый раз это спрашиваешь. Почему?

– Я сплю на койке в общежитии, разделяя комнату с теткой, которая, как оказалось, храпит. Я, честно сказать, ненавижу это. А у тебя постоянно такие хорошие истории про сон, что мне становится немного легче. Я ложусь, представляю, что закрыта в будке машины...

– Кунге. Я же не собака...

– Да, прости... в кунге... ну... сбил меня, блин. Иногда я тебе завидую. Хотя, я все еще не понимаю, как ты стал волонтером. Ты же расскажешь?

– Ты же собиралась подсмотреть в моем личном деле, – усмехнулся Андрей.

– Оно теперь под грифом. План провалился.

– Потом. Расскажу. Как случай выдастся. А то ты хотела спросить про МГУ, но сама же сбила себя с мысли. Спокойной ночи.

– Ага-ага... и тебе спокойной ночи.

Андрей выдернул якорь из обочины и смотал устройство с затертой маркировкой предприятия «Ленинец», в очередной раз подметив, что решение общаться через сибирскую грибницу крайне странное даже по современным меркам.

Записная книжка открылась, и парень нанес точные координаты на свою бумажную карту. И сделал он это задолго до того, как Алиса озвучит ему их завтра, или двумя днями позже.

Потому что в блокноте есть все. Наперед. На годы вперед. И каждая запись сопровождается местом, временем и короткой заметкой, которая практически всегда оказывается ошибочной. Ведь именно из-за таких заметок Андрей и достает свой табельный Токарев и надевает бронежилет.

И случай с последней потеряшкой не был исключением.

Пометка «осторожно» на полях, не сулила ничего хорошего, но из разрыва пространства и времени появилась лишь щуплая нагая девица, что несла знания, а не опасность.

Запись «осторожно» оказалась осторожно зачеркнута тонкой синей линией шариковой ручки.

В прочем, Андрей не планировал расслабляться. Кто-то сделал эти пометки, а значит есть риск того, что однажды предсказание будет верным.

– Предсказание... – фыркнул парень и потушил очередной окурок тяжелым ботинком.

Глава 3

Человек и тот, кому быть здесь нельзя

– А лет-то тебе сколько? – продолжала свой допрос Алиса Юрьевна, пока Андрей выдергивал доски из чьего-то забора, чтобы развести хороший костер.

– Тридцать два мне. А тебе?

– А тебе же было не интересно! Полгода выжидал, чтобы спросить?

Андрей закатил глаза, но его собеседница этого точно не увидела. Доски легли в стопку недалеко от машины и начали греться на солнце, чтобы потом тепленькими упасть в костер.

А на костровище уже висит маленький котелок, в который брошена банка тушенки, картофелина и луковица. Где-то испускает спиртовые пары хлеб.

– Так сколько тебе?

– Двадцать. С небольшим.

– Аспирантскую в двадцать с небольшим? В восемнадцать ты поступила в институт, потом шесть лет получала квалификацию специалиста, а потом еще три года аспирантуры... с недописанным дипломом, который люди обычно «не дописывают» на последнем году. Большой хвостик у тебя там...

– Мог и не спрашивать, раз умный такой.

– Да я и не спрашивал... так, к слову подвернулось.

– Что там с МГУ?

Наломанные заборные доски шелкали, напитанные утренней влагой, и раскидывали искры в разные стороны. И развел этот костер Андрей в тенике у разрушенного моста через Вилую, что свалился со своих бетонных ног десятки лет назад, когда в покинутом поселке Чернышевском открыли сбросники на ГЭС. Электричество тут больше никому не нужно, а ГЭС может и не выдержать. Топить тоже особо нечего, но на всякий случай воду спустили.

– Закончил. Я отучился шесть лет.

– И что ты делал до тридцати двух? – усмехнулась оператор. – Это же... восемь лет.

– Шесть, – замер Андрей, повернувшись ухом в направлении поселка, что был едва ли в половине километра от моста.

– Что? Почему?

– Погоди... тут люди, кажется...

– Серьезно? Скажи им... хотя... нет. Подожди, я сейчас посмотрю по инструкции.

Парень фыркнул и отцепил переговорное устройство от станции с солнечными панелями. Она может работать в беспроводном режиме, но плохо и не долго. И порой с очень большими помехами.

– Слышно?

– Да. Ты что, туда пошел? Подожди я хоть карту открою, где ты?

– Дорога на мост, перекресток.

– Если что, то...

– То я буду кричать, а ты будешь слушать. Да-да...

– Мне помолчать?

– Да нет, говори, – Андрей надел на себя бронежилет, достал два запасных магазина к своему Токареву и дернул затворную рамку. Желтый патрон с характерным шелестом зашел в ствол. – Так хоть пойму, где кончается дистанционная передача.

Парень закрыл на коротенький куцый ключ кабину своего ГАЗ-66МП и побрел в сторону поселка. Прошел мимо невысоких зарослей елей, что захватили часть грунтовой дороги, посмотрел на торчащие макушки цехов завода, что был тут с основания поселка и служил для

постройки плотины и нужд градостроителей. Вышел к разрушенным дождями и ветрами ангарам, прошел мимо старой заправочной станции и уткнулся в одинокие бетонные пятиэтажки.

– Шесть лет... почему?

– Я в армии служил. Или ты забыла?

– Точно, ты же мужчина... ты сразу после школы ушел?

– Да. Пока лобные доли не сформированы, переживать такое проще. Сейчас бы я взвыл там, от всей этой уставщины и дедовщины.

– Все вместе? Сурово...

– Да нет... по очереди.

– А где служил?

– На Кавказе. Был сначала рядовым балбесом, потом оператором беспилотной разведки, потом переобучали на снайпера. Второй год ходил в сержантах... хотя бы курить отпрашиваться не приходилось.

– А все мои знакомые были писарями, механиками, каптерами... Даже оружие, говорят, особо не держали.

– Повезло им... бегать в полной выкладке по горам такое себе занятие... у пацана еще сил хватит, а вот под тридцатку прыти у меня поубавилось.

– А потом?

Андрей приметил окна, в которых все еще оставались стекла. Окна закрытые, но чистые. Видно, что кто-то целенаправленно их протирает. А рядом с подъездом железо, оцинковка, листья валяется. Колышется на ветру и звуки неприятные издает. Грохочет. Но не так, как слышалось издали.

– Потом поступил в МГУ. На кафедру обучения машин и машинного интеллекта. Занимались проектированием кремниевых каскадов... Делали мысли машины более гибкими...

Парень приоткрыл тяжелую деревянную дверь подъезда, обитую изнутри шкурой, чтобы зимами не задувало внутрь ничего лишнего. Пистолет наготове. Взгляд сначала вперед, потом вверх. Но оружие рука поднимать отказывается. Головой Андрей понимает, что стоило бы, сердце подсказывает, что это идея плохая.

– Ты чего замолчал?

– Думаю, что тебе еще сказать... – ответил Андрей и вскользь заглянул в одну из квартир, дверь которой была приоткрыта. Пусто. – Ты спрашивай.

– Ты хорошо ищешь причинно-следственные связи и делаешь хорошие выводы всего лишь по паре косвенных признаков. Это образование такое было? Тут философия, психология. Что еще...? – Алиса делала вид, что на том конце линии связи ничего не происходит. Она закрывала глаза и пыталась представить Андрея, лица которого она никогда не видела, сидящим у маленького костра и поедающим похлебку. Хотелось думать, что обрывистыми фразы звучат лишь потому, что у того рот занят едой.

– Логика машин предполагает большое количество мысленных экспериментов и тестов парадоксами. Машина думать не умеет. И ты должен предугадывать, как она себе поведет. В какой момент она может подумать не туда и ограничить свободу ее мысли... Например, кто вождь?

– Зависит от контекста.

– А о ком подумала ты?

– Сталин? Ленин?

– Правильно. Ты мыслишь, как гражданин великой страны. Но машина – не гражданин. Она не воспитывалась в любви к родине. Значит, нужно заняться ее воспитанием. Чтобы слово «Вождь» было исторической ценностью Советского Союза, а уж потом какими-то званиями индейцев или аборигенов...

Очередная квартира пуста. Глаза парня смотрят на лестничный марш. Выше, потом еще выше. Он говорит громко намеренно. Намеренно дает Алисе говорить громко. Пусть их слышат. Он тут не враг, не преступник, не вор. Он просто гость.

– А физика? Был курс физики?

– Да. Расширенный. У меня было пять экзаменов по ней, и около семи зачетов.

– Понятно, откуда ты знаешь про элементарные частицы, принципы работы адронного коллайдера и все вытекающие...

– Больше скажу: нас отправляли на экскурсию туда. Но, странное дело, в Тикси я запомнил лишь северное сияние...

– Да?

– Угу... А откуда это все знаешь ты?

– Эмм... курс переподготовки?

– Ты на ходу придумала? – тяжелые ботинки аккуратно ступили на кафельную плитку второго этажа. Окна целые были на третьем, значит уже близко.

– Не то, что бы да... ты веришь в Бога?

– Нет.

– И я нет, но я верю в принципы квантового бессмертия. С самого детства мама и бабушка говорили мне, что Бога наукой не доказать. Но физика доказуема... – вздохнула девушка.

– Мама кем была?

– Начальником лаборатории... но не могу сказать какой. Гриф.

– А бабушка?

– Начальником лаборатории... но...

– Понял я... Ну... я тоже верю в квантовое бессмертие. Иначе не могу объяснить, как вообще тут оказался. Вообще, удивительно, что кто-то еще в такое верит.

– Часто сталкивался с шансами на преждевременную кончину?

– Ага, – Андрей приподнял пистолет. – Довольно часто, как и любой мальчишка. Особенно в детстве. Я рос во времена, когда новафоны только начали появляться. И у меня, к счастью, его не было.

– Пугачи, самострелы, марганец и карбид?

– Хах... а ты знаток.

– О да... я знаток. Кстати, а кем ты работал?

– Начальником предприятия по автоматизации потоковых производств. Создавал разум машин, – Андрей глянул в щель приоткрытой двери на третьем этаже и тут же отпрыгнул назад. Выключил переговорник. – Дедуль! Дедуль, не стреляй!

Там, за утепленной дверью, сидел щуплый старик, подняв перед собой дуло своего старенького ИЖа.

– Ты кто такой? – раздался посаженный голос из-за двери.

– Волонтер я, дедуль!

– Ну и иди волонтерствуй! Не хер мне тут разгуливать. Напугал поганец, я думал это гэбня бродит!

– Нет, дед. Не гэбня я... волонтер я. Потерявшихся в лесу ищу.

– Это откуда ж они тут? – слышно было, как старик опустил ружье. – Заходи, убрал я...

– Ага, – Андрей с осторожностью приоткрыл дверь, все еще в готовности отпрыгнуть за стену. – Убрал...

– Убрал-убрал... Ты чего бродишь тут?

– А ты чего тут шумишь? Я тебя за версту услышал!

– Да крыша, чтоб ее... прохудилась. Срывал с соседних домов жестянку. Не сидеть же мне тут в сырости!

Дедуля задвинул ружье подальше. Подальше от греха. Прокашлялся, встал, и жестом повел Андрея с собой. В большую комнату.

– Андрей, ты тут? – хрипела рация. – Что случилось?

– Ничего, Алиса Юрьевна. Все нормально, – парень поймал на себе взгляд старика. Печальный взгляд. Обиду, что нашли его тут, после стольких лет. – Тут... нет тут никого. Воображение разыгралось. Кровля жестяная на ветру шумит. Обратно иду.

– Ну слава Богу... Богу... – усмехнулась девушка. Она не поверила. Но виду не подала. – Давай только в темпе, а то координаты становятся точнее. Не хочу, чтобы потеряшку пришлось искать потому, что ты опоздал.

– Знаю, знаю... иду. Поем и сразу в путь.

– Тогда отбой. Про работу мне не забудь рассказать.

Алиса Юрьевна выключила передачу сигнала. Знала, что Андрей тут не один. Но вслух ничего сказать не могла. Все равно ее никто не послушает, да и спустя половину года ей уже не кажется, что выковыривать старожилов этого региона хорошая идея.

– Ты что тут делаешь, дедушка? – оглядел жилье Андрей. Проверил все комнаты. Дед как дед. Дом как дом. Не контрабандист, не беглый ЗЭК... – Кстати, дедуль, а дату не подскажешь? А то у меня часы сбились, вот я и...

– Двадцать седьмое августа, по-моему.

– А год?

– Год? – удивился старик. – Так двадцать шестой... одичал тут что ль?

– Да нет... запямятовал. Так что ты тут делаешь?

– Живу я тут, – старик налил стакан воды и отхлебнул. Перенервничал. Горло аж пересохло. Потом он налил еще один стакан и протянул Андрею. – Будешь?

Андрей воду понюхал и сделал маленький глоток. А потом глоток покрупнее. А потом еще и еще. Запыхался. Тоже перенервничал.

– Я тут это... – дед выдвинул табурет и сел. Стоять ему в таком возрасте уже тяжело. – Живу я тут. Дичь бью, да картошку выращиваю. Рыбу ловлю. Нормально у меня тут все, ты за меня не это, не переживай...

– Да я и не это... не переживаю, – невольно передразнил деда Андрей. – Лекцию тебе читать, или обойдемся?

– Обойдемся. Наслушался я уже этого, про ваше кольцо, бубонный коллайдер, чушь!

Андрей уже догадался о причинах старика находиться тут, особенно после того, как осмотрел жилье, но все равно спросил.

– Ты чего не уйдешь-то? В цивилизацию, к электричеству, теплу, работе консьержем, в конце концов. Долго ли протянешь тут?

– Да не твое это дело, малой. Жизнь моя тут. Родители отжили, я отжил. Жену недавно только похоронил. А пойду я... куда? Кому я там нужен?

– Ну не знаю, поживешь на вокзале, схлопочешь статью за тунеядство. Там тебе быстро место найдут.

– Насмешил, – и вправду улыбнулся старик. Ему как-то даже легче стало от шутки такой. Видно, что у гостя нет никакого интереса стоять и убеждать старую грешную душу, что век она свой неправильно доживает в этом теле. – Насмешил...

– Ага... тушенку будешь?

– А есть?

– Есть, дедуль. Пошли до машины...

– Не повяжешь?

– Нет.

– А гэбню с собой не водишь?

– Нет.

– А...

– Тебе тушенку надо, дед, или нет? Мне все равно ее по плану выдают три на день. Девать уже некуда...

– Надо. Раз задаром... Пошли.

Старик встал, но для верности все равно ружье через плечо перекинул. Андрей посмотрел на это, помотал головой и вышел из квартиры.

К тому моменту, как мужчины добрались до машины, костер уже потух, а похлебка сварилась.

Отобедали и разошлись.

Все равно в котелке на одного много получалось.

Глава 4

Человек и скоротечность жизни

– С новым годом, Андрей Алексеич... – Алиса Юрьевна странным образом вышла в эфир так поздно, а Андрей, странным образом, держал рацию активной в столь поздний час. – Год минул... с трудом верится.

– Это потому, что он был весь в суете и работе. Когда занят чем-то, то время летит незаметно, – парень сидел на складном стульчике, под тентом из плащ-палатки, натянутой от кунга и до замерзшей земли, в которую он бил два длинных гвоздя.

– Говоришь так, будто старше и мудрее меня... – усмехнулась девушка. – А это, между прочим, я тут нейрролингвист...

– Прости, запаматовал...

Андрей докуривал последнюю летнюю папиросу, заготовленную почти полгода назад. Табак и можжевельник. А еще редкая и хорошая бумага. И все это под ночным небом полярного круга, которое то и дело высвечивалось всполохами фиолетовых сияний. Северных. Только фиолетовых.

– Что ты видишь?

– Сияние.

– Много?

– Да, очень. Все небо в разводах, и кажется, что они тянутся от низкого неба к высокому.

– Это как? – меланхолия момента тронула Алису до глубины души. Ей вдруг захотелось оказаться там, рядом с этой странной рыжей машиной, под красивым ночным небом севера.

– Будто над нами есть незримый потолок. А над ним есть еще один. И сияния бродят в этом промежутке, но ниже или выше двинуться не могут. Красиво... – Андрей затянулся папиросой, и треск этот был слышен даже через рацию.

– Опять куришь?

– Угу...

Повисла тишина.

Нет ни костра, ни света фар. Только одинокая белая равнина. ГАЗ-66МП уже давно был переодет на гусеничные комплекты и мог карабкаться куда угодно, когда это было нужно. Удивительная техника. В ней из электроники только фары, но она едет, работает, живет. Карбюратор настраивается простым поворотом тумблера, и зимний режим для него такое же обычное явление, как для Андрея надеть куртку потеплее.

А вокруг, внутри кольца СКСГБ, в его бетонных тоннелях, на невообразимой скорости, гоняют атомы. Атомы вылетают из малого кольца и заходят в кольцо большое, имея уже довольно внушительную скорость. Электромагниты на всей протяженности коллайдера толкают атомы вперед, и те почти достигают скорости света... И все ради того, чтобы понять, из чего же соткана реальность.

– Реальность...

– Чего? – Встрепенулась Алиса Юрьевна.

– Мысли вслух... вырвалось.

– Думаешь о чем-то?

– Ага...

– О чем?

– О том, что каждое действие, согласно теориям квантовой физики, делит нашу реальность на части. Бесконечное множество элементарных частит раскрывают свое положение нам, наблюдателям, с вероятностью в пятьдесят процентов. Но другие пятьдесят процентов мы не

видим. Их видит кто-то другой. Другой я или другая ты. Монетка в нашей реальности упадет орлом вверх, но где-то она падает орлом вниз...

– Думаешь, что мы не одни?

– В каком-то смысле, да. Не одни. Нас таких одинаковых много. А есть, наверное, и те, которые отличаются. В реальностях, которые отделились от этой десятки лет назад. Где-то я жив. Где-то мертв. Где-то я и не родился. В какой-то из реальностей я не развелся с женой и не уволился с работы. А где-то сделал это раньше.

– Кстати...

– ... а где-то есть реальность, в которой Советский Союз распался, и его существование – фантастика. Где-то хаят и Горбачева и Ельцина за то, что они страну развалили...

– Да их и у нас хаят, за то, что страну чуть не развалили.

– Хах...

– Ты усмехнулся! Я слышала, что ты усмехнулся! Погоди... – сменила настрой Алиса.
– У тебя была семья?

– А я не говорил?

– Нет!

– Ну... Да. Была.

– Ты так и продолжишь ждать, когда я задам прямой вопрос?

– Мне рассказать?

– Ну... если хочешь...

Всполохи на небе отправили Андрея в чертоги его разума. Туда, где теплилась память о чем-то давно ушедшем.

– Мы были женаты пять лет. И пять лет мы женаты не были. Но, думаю, мы любили друг друга. Поженились после выпуска из МГУ, чтобы семейное общежитие выдали, да и в целом, пора уже было. А дальше...

– Да рассказывай. Все равно ведь спрошу...

– Да, точно. Однажды я осознал, что живу не свою жизнь. Что гонюсь за местом, которое мне не нужно. Я не хочу быть начальником цеха, не хочу становиться заслуженным деятелем науки, не хочу тратить свою единственную жизнь на то, чтобы карабкаться вверх. Борьба эта... она ведь навязана нам. Старайся, работай, заслужи должность и положение в обществе, будь быстрее, выше, сильнее... А зачем?

– Зачем? – невольно повторила вопрос девушка.

– Не знаю... Как инженер, я должен все упрощать. Мое нутро говорит мне, что есть тут что-то лишнее. Год прошел, могу и поделиться с тобой...

– Даже так?

– Ага. В общем... Я сдался и вышел из борьбы. Больше никаких погонь за должностями, статусом, привилегиями. Наплевать на амбиции, они выдуманные. Сдался... устал... не выдержал.

– Ты много работал?

– Очень. Настолько, что в последние годы мы с женой не виделись почти. Мне все казалось, что вот-вот, и я добьюсь всего. Что мы заживем, получим большую квартиру с заделом на большую семью, что путевки будут в санатории стабильными и два раза в год, что очередь на покупку новой машины для нас будет двигаться быстрее... да какой там новой... я искренне верил, что нам дадут купить вторую машину. А оказалось, что ты лишь осел, к которому примотали морковку, – Андрей снова затянулся сигаретой, и уголек обжег ему губу. – Она ушла от меня, потому что меня в нашей жизни и не было. Я работал, работал, работал. Думал, что я важен. Что без меня там все рухнет. Считал себя нужным... А на деле... Мою работу теперь просто делает кто-то другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.